

¹⁵ Кант повторяет это несколько раз в своих *Lectures on Philosophical Theology*. См., например, с.57. Принимая во внимание, что разум имеет ограничения в познании Бога, мы не можем доказать существование Бога. Но те же самые ограничения делают невозможным доказать, что Бога не существует. Догматический атеист зашел слишком далеко, утверждая с уверенностью, что Бога нет.

ПЬЕР ЛАБЕРЖ
(Университет Оттавы)

Кант и неореализм

Мы не всегда осознаем, что «Постоянный (вечный) мир» Канта хорошо известен не только среди ученых, изучающих Канта, но и среди теоретиков, изучающих международные отношения. И не только среди так называемых идеалистов, но и среди так называемых реалистов международных отношений. Например, глава влиятельной школы неореализма, К.Н. Волц (Беркли) посвятил важную статью в «Американ Политикал Сайенс Ревью» [1], а также главу своей самой известной книги [2] идее кантовского вечного мира. Поскольку изучающие Канта ученые не всегда знакомы с литературой по теории международных отношений, мне представляется интересным попытаться ответить в духе Канта на три возражения, выдвинутых неореалистической школой против кантианской теории межреспубликанских отношений и мира.

Волц задается вопросом о причинах войны, чтобы определить условия, необходимые для мира [3]. Затем он выделяет три «образа», то есть три оценки причин войны.

Действительно, некоторые старались объяснить войну недостатками отдельных людей, некоторые – недостатками государств, некоторые – контекстом, в котором государства, эффективные или нет, хорошие или плохие, продолжают свою жизнь, другими словами, международной системой. В соответ-

ствии со вторым образом, выразителем которого является Кант (в то время как Спиноза является выразителем первого образа, а Руссо – третьего), война должна объясняться недостатками государств [4].

Неореалисты возражают учениям второго образа, поскольку международная система анархична (то есть не имеет правительства). Анархия системы, внутри которой государства, хорошие или плохие, склонные к миру или к войне, развиваются и живут, является причиной, допускающей войны. В этом состоит учение третьего образа [5]. В таком контексте каждое государство должно быть обеспокоено своей собственной безопасностью. Каждое государство, следовательно, будет стремиться к власти. Без сомнения, как наблюдали классические реалисты, подобные Гансу Моргентау, некоторые доминирующие государства будут стремиться к власти как к самоцели. Но, доминирующее или нет, добавит неореалист, каждое государство будет стремиться к власти по крайней мере как к средству, способному обезопасить само государство от других государств в состоянии анархии, в состоянии, череватом войной [6].

В соответствии с третьим образом и неореализмом война, следовательно, неизбежна, независимо от того, хороши или плохи государства [7]. Я полагаю, что условия этой неизбежности могут быть сведены к пяти. Война неизбежна:

1) если нет «автоматической гармонии» [8] между интересами государств (хороших или плохих);

2) если нет судьи в случае столкновений интересов;

3) если некоторые государства хотят использовать силу [9]: а) либо потому, что в отсутствии судьи правосудие находится в их руках, б) либо по любой другой причине, кроме самозащиты;

4) если нет власти, чтобы предотвратить использование силы, и если каждое государство по этой причине предоставлено само себе в вопросе собственной безопасности;

5) и конечно же, если, по крайней мере, государства хотят выжить.

Чтобы война не была неизбежной, по крайней мере одно из этих условий не должно выполняться.

Давайте сосредоточимся на республиканской, или либеральной, версии второго образа и представим мир, в котором существуют только либеральные, или, выражаясь языком Канта, только республиканские (в отличие от деспотических) государства. Против тезиса о том, что условия, в которых эти государства развиваются, непременно должны быть мирными, можно выдвинуть три возражения Волца.

Первое возражение – логического характера. Давайте примем точку зрения, что войны при деспотических режимах начинаются, потому что деспоты начинают войны по своему желанию. Из этого нельзя заключить, что республиканское государство не начнет войны. В конце концов, деспотические государства могут начать войну не только потому, что они *деспотические*, а потому что они *государства* [10]. А если кому-нибудь захочется проигнорировать эту гипотезу, Волц выдвигает второе и третье возражения, оба заимствованные у Руссо.

Он берет второе возражение из «Рассуждений по политической экономии», из отрывка, важность которого подчеркивал Луи Гиллерми [11]: «Воля государства хотя и является общей по отношению к его членам, не является общей по отношению к другим государствам и их членам, а становится для них особенной и индивидуальной» [12].

Неореалисты настаивают, что несмотря на некоторые общие интересы, нет «автоматической гармонии» между соседними государствами, республиканскими или нет. Как же тогда в отсутствии судьи, «назначенного законом посредника» [13], будут разрешаться неизбежные конфликты, если не прибегать иногда к силе? В случае, если каждый будет защитником своих собственных прав, война будет считаться справедливой для обеих сторон. Потом может оказаться трудным не достичь победы, так называемого Божьего суда (Божьей справедливости), что каждый считает своим правом. В особенности, если конфликт обостряется. И более того, если одна из сторон сильна: «Не в человеческих силах ожидать,- пишет миролюбивый Фенелон,- чтобы более сильная власть всегда действовала в пре-

делах осторожной умеренности и что она в своем могуществе будет стремиться только к тому, чего может достичь в слабости. Едва ли можно будет поверить в то, что нация, способная подчинить других, будет воздерживаться от этого многие столетия» [14].

Но давайте тем не менее представим, что наши республиканские государства по какой-либо причине хотят противостоять соблазну прибегнуть к силе. Давайте представим, что они так желают принять нечто похожее на статью 2(4) Устава Объединенных Наций: «Все члены должны в международных отношениях воздерживаться от угроз или использования силы и т.д.» – что мирное решение конфликтов, дипломатическое или юридическое, им, так сказать, навязано как единственно существующее. Как было в случае арбитражного решения в конфликте «Канада против Франции» по поводу права на рыбную ловлю около Сен-Пьера и Микелона. Другими словами, давайте представим, что третье условие неизбежности войны между республиканскими государствами не выполняется.

Неореалисты тогда ответят, и это третье возражение, что несмотря на такие замечательные нравы в этих наших республиканских государствах, все тем не менее пойдет так, как будто третье условие выполняется. Несчастье в том, что даже если бы республиканские государства и были бы расположены по каким бы то ни было причинам к таким жестким самоограничениям, они тем не менее не могли бы знать, что они к этому расположены. Точнее говоря, даже если бы республиканские государства хотели отказаться от использования силы в их отношениях друг с другом, они никак не смогли бы воспринимать друг друга как республиканские. Можно задуматься: «Правда ли, что существует уникальная миролюбивая форма государства? Если бы это было правдой, какое бы это имело значение? Помогло бы это одним государствам понять, каким другим государствам они могут доверять?» [15]. В поддержку такого скептического взгляда Волц во второй раз прибегает к Руссо, на этот раз к работе «Рассуждения о возникновении неравенства». Наши «хорошие» государства, в данном случае республиканские государства, как охотники за оленем у Руссо

или, по крайней мере, подобны им, как это представлено в «дилемме оленьей охоты» [16].

Хотя эта дилемма хорошо известна, отрывок из Руссо, описывающий данную идею, цитируется редко: «Если бы надо было поймать оленя, каждый осознал, что должен точно придерживаться своей позиции, чтобы достичь этой цели; но если бы заяц случайно пробежал в пределах досягаемости от одного из охотников, охотник без сомнения стал бы преследовать зайца, не задумываясь, и, схватив добычу, не волновался бы о том, что мог лишиться других охотников их добычи» [17].

Причина этого, объясняет Руссо, в том, что «предвидение ничего не означает» для тех охотников и что, «не беспокоясь об отдаленном будущем, они даже не задумывались о завтрашнем дне».

Неореалисты трансформировали это скромное осуждение недостатка предвидения в тонкую дилемму теории игры (дичи), которая имеет форму CC , DC , DD , CD (где C – это сотрудничество, а D – нарушение обязательств), отличную от формы дилеммы заключенного. Зачем охотнику, побежавшему за зайцем, быть верным своим товарищам? Не выгоднее ли ему рассуждать следующим образом: «Что если один из моих товарищей сомневается в моей верности (или в верности другого охотника)? Конечно же, он неправ, потому что я хочу сотрудничать. Но как он может быть уверен в том, что я хочу сотрудничать? Если он сомневается, он побежит за зайцем и поставит под угрозу успех всех остальных. Поэтому я поймаю зайца».

Хороший охотник, если он хочет «существовать», должен вести себя как государство, которое, как пишет Фихте, «никогда не поверит ни одному слову другого государства» [18]. «Нельзя надеяться на других», добавляют далее неореалисты [19]. Охотник, который расположен к сотрудничеству, не будет сотрудничать, пока не будет уверен, что все остальные тоже будут сотрудничать, если он не отказывается от своего собственного существования.

Но тогда как могут государства, еще более чем охотники, противостоять соблазну использования силы как средства разрешения конфликтов, не будучи уверенными, что все другие

государства также откажутся от этого, не будучи в состоянии воспринимать друг друга как «хорошие», то есть республиканские?

На эти три возражения: а) война между деспотическими государствами не способствует миру между республиканскими государствами; б) общие желания республиканских государств, которые в результате противопоставлены друг другу, приведут к столкновению интересов и не всегда устоят против соблазна прибегнуть к силе; в) даже если бы республиканские государства как республиканские хотели бы противостоять соблазну использовать силу, им вряд ли бы это удалось, потому что они не могут воспринимать друг друга как республиканские – какой ответ мы можем представить в духе *вечного мира*?

Из междеспотического состояния войны сделать вывод о междереспубликанском состоянии мира будет безусловно паралогизмом. Но тогда принцип милосердия (снисхождения) запрещает нам приписывать этот шаг Канту без веского основания. Как раз напротив: есть достаточные основания не приписывать его Канту. Зачем Канту прибегать к паралогизму, чтобы сделать вывод, с которым он не согласен? Для него междереспубликанское естественное состояние остается состоянием войны. В самом деле, государства, республиканские или нет, находятся в естественном состоянии, и нельзя отменить состояния войны, то есть возможности войны, не отменив этого естественного состояния. Ничто, кроме *Volkerstaat*, не может вывести республиканские государства из естественного состояния и состояния войны. Даже *Volkerstaat* не может этого сделать [8, 337; 20]. Всеобщее республиканство, следовательно, не может избавить государства от состояния войны. По моему мнению, в этом вопросе Кант и неореализм достигли полного согласия. Не существует такого понятия, как «автоматическая гармония» между общими волеизъявлениями, которые остаются индивидуальными в противопоставлении друг другу. Это было, как вы помните, первым условием неизбежности войны. Но может ли война быть всегда возможной, но не быть неизбежной? Может ли состояние всегда вероятной войны [8,

348-349] никогда не перерасти в состояние действительной войны («Zustand des wirklichen Krieges», 6, 344)?

Такое состояние войны – всегда вероятной, но никогда действительной – есть, если я понимаю Канта хорошо, межреспубликанское состояние войны. Но почему и каким образом всегда возможная война никогда не станет действительной? Чтобы рассмотреть эти проблемы последовательно, давайте отвлечемся на время от трудной задачи, где республиканские государства должны воспринимать друг друга как республиканские. Тогда можно сказать: для республиканских государств, воспринимающих друг друга как республиканские, третье условие неизбежности войны не выполняется. Конечно же, все еще не существует «автоматической гармонии» интересов. Но республиканские государства не желают применять силу друг против друга, чтобы уладить конфликтные интересы. До такой степени эти государства должны решать свои конфликты мирно, решать их юридически, если нужно (в случае чего невыполнение третьего условия повлечет за собой невыполнение второго, так как существует судья).

Следовательно, в каком бы сложном состоянии своей природы и войны, в состоянии анархии ни находились республиканские государства, они не ожидают, что все они будут нападать друг на друга. Неореалисты признают себя побежденными в том, что конвергентные ожидания о ненападении, какими бы характерными они ни были для цивилизованных государств, находятся иногда также и в состоянии анархии. В качестве примера они приводят взаимные ожидания европейских государств в биполярном контексте после 1945 года. «Конфликты интересов остаются, но нет ожидания, что кто-то воспользуется силой для их разрешения. Политика в отношениях между европейскими государствами стала качественно другой после второй мировой войны, потому что международная система поменялась с многополярной на биполярную» [21]. «Холодная война, – продолжает Джон Миршаймер, – создала тепличные условия, в которых могло процветать Европейское Сообщество» [22]. Следовательно, при некоторых обстоятельствах третье условие неизбежности войны не выполняется.

Прекрасно, можете вы отметить. Но почему это третье условие не будет выполняться в межреспубликанском контексте?

Но надо признать, что здесь Кант не облегчает жизнь своим читателям. Разве он не объясняет неудовлетворительным образом склонность республиканских государств к миру? В республиканском государстве, говорит он, субъект – это также гражданин, и, следовательно, его или ее согласие требуется для объявления войны. В деспотическом государстве, однако, субъект – не гражданин. Республиканское государство менее склонно к войне потому, что гражданин платит за войну своей жизнью и деньгами, а гражданин привязан к тому и другому в равной степени [8, 351].

Это объяснение неудовлетворительно потому, что, как правильно полагает Рейнхард Брандт: «Если агрессивная война обещает новую собственность и может быть проведена без угрозы для личности, тогда республиканцы, вероятно, проголосятся за нее» [23]. Тогда республиканство избавляется только от войн, начатых бездумно, как «развлекательные вечеринки» деспота.

Но это неудовлетворительное объяснение является единственным, которое читатель может найти в «Вечном мире» в пользу миролюбия республиканских государств. Тогда не удивительно, если Волц не обнаружил другого: «Кант... как конгрессмен Л. Лудлоу в 1930-х, заставит будущего солдата-пехотинца решать, вводить ли страну в войну или нет. Предпосылка Лудлоу и Канта состоит в том, что, давая непосредственный голос тем, кто пострадает больше всего в войне, значительно снизит сферу распространения войны» [24].

К счастью у Канта (но не в «Вечном мире») можно найти и другой аргумент, хотя, честно говоря, он никогда не звучит эксплицитно, как этого хотелось бы. В «Конфликте властей» Кант указывает, что республиканская конституция составлена так, чтобы избежать агрессивных войн «... *по крайней мере по своей сути* [7, 86] (выделено нами. - П.Л.).

Как же республиканская конституция избегает агрессивных войн *по своей Идее*? И почему Кант добавляет: *по крайней мере по своей Идее*?

Кант отличает «*respublica noumenon*» от «*respublica phaenomenon*» [7, 91]. Первой является идея республики, по аналогии с которой философия считается скорее критической, а не догматической. Это идея достижения решения посредством юридического приговора, а не военной победы и, следовательно, идея самого мира [3, 491-492].

Вторая, «*respublica phaenomenon*», считается репрезентацией (*Darstellugen*) первой на практике. Примером такой репрезентации, в соответствии с *Reflexio 8077*, является французская конституция Года III *Respublica phaenomenon*, если она верно отражает идею *respublica noumenon*, будет отдавать предпочтение юридическому приговору, а не военной победе как способу улаживания конфликтов.

Очень хорошо, скажете вы, но не будет ли это больше того, в чем Волц, вслед за Руссо, готов признать свое поражение? Для обоих общие волеизъявления, хотя и противопоставленные друг к другу, тем не менее оставались общими *ad intra*. Я думаю, что на самом деле Кант предполагает нечто большее. Идея *respublica noumenon*, которой вдохновляются республиканское государства, назовем ее, республиканская максима, отделена от разнообразия государств. Проводя различие между республиканской нацией и романтической нацией, Ален Рено подчеркивает, что первая совпадает на границе с вечным миром [25]. *Respublica phaenomenon*, если и насколько она соответствует идее *respublica noumenon*, которую она «представляет», подчиняется принципу, который, если применяется ко взаимоотношениям между государствами, будет порождать мир, то есть это принцип отказа от победы в войне в пользу юридического приговора.

Хотя какая-либо одна общая воля является индивидуальной по отношению к другой, общая воля тем не менее отличается от одной индивидуальной воли, противопоставленной другой индивидуальной воле. Она уже согласуется с идеей отказа от военной победы в пользу судебного приговора. Она вдохновляется этой идеей своей максимы. Она бы выродилась, если бы отказалась от этой максимы в отношении других общих воле-

изъявляний. Но все складывается совершенно иначе в случае деспотического государства. Нападая на другие государства, такое государство верно принципу, который вдохновляет его.

Respublica phaenomenon, поскольку она выводит свои максимумы из respublica noumenon, налагает на себя, следовательно, нечто вроде статьи 2(4) Устава ООН. Но она делает это только по отношению к другой respublica phaenomenon. Она вводит что-то вроде оговорки в договоре. Она не отказывается от военной победы как решения споров по отношению к государствам, которые не отвечают взаимностью. «Никто не склонен воздерживаться от посягательства на то, чем владеет другой, если другой не дает равной уверенности в том, что будет соблюдать то же самое ограничение», – пишет Кант в *Доктрине права* [7, 307].

Республиканское государство не может отказаться от этой оговорки, не отказываясь от своего выживания. Но появление республиканской конституции не оказывает влияния на пятое условие неизбежности войны.

Республиканские государства в той мере, в какой они верны идее respublica noumenon и воспринимают друг друга как республиканские, вели бы себя по отношению друг к другу в состоянии природы и войны, как будто они отказались от нее, хотя они этого и не делали, как будто судебный приговор был им навязан, даже если бы это было не так. Их союз (Bund) был бы как бы Volkerstaat. Но могут ли они воспринимать друг друга верными идее respublica noumenon?

Давайте допустим, что республиканское государство желает отказаться от использования силы в отношениях с другим республиканским государством. Как же тогда оно может убедить, что государство, кажущееся республикой на первый взгляд, действительно республика? Откуда оно узнает, что respublica phaenomenon действительно вдохновляется идеей respublica noumenon? Давайте вспомним дилемму оленьей охоты. Если бы для республиканских государств возможно было воспринимать друг друга как республиканские (то есть принять за правило эквивалент статьи 2(4)) и неподвластные любому

появлению деспотизма, то они не только могли бы отказаться от войн друг против друга, но даже разоружались бы.

Но для того чтобы республиканским государствам воспринимать друг друга как республиканские, недостаточно учитывать лишь тех, кто принимает решение о войне с обеих сторон. Мы уже сказали, что для того, чтобы исключить агрессивную войну, недостаточно, чтобы представители людей выносили решение. Республиканские государства должны бы воспринимать друг друга как государства, управляемые принципом *respublica potuerunt*. Они, следовательно, должны воспринимать то, что не может быть воспринято. Тогда они вынуждены предполагать причину доказательства двусмысленного действия.

Поскольку государство ведет себя так-то и так-то, оно ведет себя, как вело бы себя настоящее республиканское государство. Но нечестный человек мог бы вести себя всю свою жизнь как честный при отсутствии достаточно серьезных соблазнов. То же самое происходит и с государством, которое могло бы всегда вести себя как республика, не являясь таковой.

Республиканское государство, следовательно, никогда не сможет полностью доверять другому, претендующему на звание республики. Первое государство, следовательно, предложит второму: «Вы заявляете, что сущность вашего вооружения и военных позиций чисто оборонительная. Позвольте мне убедиться, что это так». Второе государство, также в условиях самопомощи, легко поймет осторожность первого. Более того, если это республиканское государство и, следовательно, не агрессивное, ему нечего будет скрывать от первого, если первое государство согласно не скрывать ничего от второго. Предоставляя друг другу возможность убедиться в оборонительном характере вооружения и военных позиций друг друга, они принимают меры, усиливающие их уверенность, подобные мерам, принятым участниками процесса С.С.С.Е.» [26]. Эти меры укрепят чувство безопасности с обеих сторон.

Они будут приняты более менее формальным образом. Если кто-то хочет заключить соглашение о чем-то, почему бы не

закрепить это формально? Будет подписан договор, foedus. Он сведется к установлению «режима мер, укрепляющих уверенность». Это, я смею утверждать, «федерализм» (foederalism), которого требует Кант в качестве второй обязательной статьи вечного мира. Республиканским государствам недостаточно быть республиканскими, они должны воспринимать друг друга как таковые. Они не могут воспринимать друг друга как республиканские без режима мер, укрепляющих их уверенность, следовательно, без объединения на федеративных началах. Вторая обязательная статья пришла на помощь первой.

Республиканские государства не будут разоружаться при этих условиях, по крайней мере не вначале [27], и каждая сторона поймет почему. Хотя они готовы сделать все, чтобы убедить своих партнеров в своих неагрессивных намерениях, они знают, что полного успеха они достичь не могут, так как государство-нереспублика долгое время может вести себя как республика и так как государство должно само заботиться о своей безопасности в условиях самопомощи. Не будучи в состоянии разоружаться, но при этом и не являясь агрессивными, они согласятся на взаимной основе, чтобы другая respublica phaenomenon проверила оборонительную, как утверждалось, природу вооружения и военных позиций. Охотники Руссо не смогли бы использовать этот способ.

Меры, усиливающие уверенность, делают возможным то, что приговор суда был бы наложен не только с помощью объявленного отказа от применения силы, но также и с помощью ограничений, которые они создают, затрудняя применение силы. Этот налагаемый приговор, это ограничение, как бы оно ни отличалось по природе от ограничения, характерного для гражданского государства, дает тем не менее возможность говорить о Volkerstaat. В Volkerbund республиканских государств все идет так, как будто приговоры были наложены.

Перевод с англ. В.Л. Васильевой

-
1. Waltz, Kenneth N. *Kant, Liberalism and War* // American Political Science Review. 1962.
 2. Waltz, Kenneth N. *Man, the State and War*. Columbia University Press, 1959.
 3. *Ibid.* P.2.
 4. *Ibid.* P.80-123.
 5. *Ibid.* P.159-186.
 6. Waltz K.N. *The Origins of the War in Neorealist Theory* // Journal of Interdisciplinary History. 1988. P.616.
 7. Waltz. *Man, the State and War*. P.186.
 8. *Ibid.* P.182.
 9. *Ibid.* P.87.
 10. *Ibid.* P.152.
 11. Guillermit, Louis. *Le droit des genes selon Rousseau et Kant* // Cahiers d'etudes germanique. 1981. P.104.
 12. Rousseau, Jean-Jaques. *Oeuvres completes*. 3. Bibliotheque de la Pleiade. P.245.
 13. Waltz. *Kant, Liberalism and War*. P.337.
 14. Quoted by Bull, Hedley. *The Anarchial Society*. MacMillan, 1977. P.111.
 15. Waltz. *Man, the State and War*. P.8-9.
 16. *Ibid.* P.167-169.
 17. Jean-Jacques Rousseau. *Op. cit.* P.166-167.
 18. Fichte, J.G., Machiavel, tr. Ferry and Renaut. Paris: Payot. P.26.
 19. Waltz. *Man, the State and War*. P.168.
 20. I quote the Academie Ausgabe edition of Kant.
 21. Waltz, K.N. *Theory of International Politics*. New York: Random House, 1979. P.71.
 22. Mearsheimer, John. *Back to the Future: Instability in Europe after the Cold War* // International Security. 1990. P.5-56.
 23. Brandt, Reinhard. *Streit der Facultaten* // Kant-Forschungen. Band I. Hamburg: Felix Meiner. P.76.
 24. Waltz. *Man, the State and War*. P.101.
 25. Renaut, Alain. *Les deux logiques de l'idee de Nation* // Etat et Nation. Presses Universitaire de Caen. 1988. P.15.
 26. Ghebali, Victor-Yves. *La diplomatie de la detente: la CSCE 1973-1989*. Bruxelles: Bruylant, 1989. P.145-224.
 27. Klein, Jean. *Mesures de confiance et de securite en Europe* // Defence nationale. 1980. P.77.